

М. А. Гадицкая

**ДЕТСКИЕ ДОШКОЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ КАК ФАКТОР РОСТА
ЗАНЯТОСТИ ЖЕНЩИН-КОЛХОЗНИЦ В 1930-х ГОДАХ
(на материалах Дона, Кубани и Ставрополья)**

*Работа представлена кафедрой теории государства и права и отечественной истории
Южно-Российского государственного технического университета
(Новочеркасского политехнического института).*

Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А. П. Скорик

В статье освещен процесс создания и функционирования системы детских дошкольных учреждений в коллективизированной деревне Юга России на протяжении 1930-х гг. Выявлены особенности устройства и финансирования данных учреждений, установлена степень и характер их влияния на рост занятости женщин-колхозниц Дона, Кубани и Ставрополья.

The process of formation and functioning of the children's preschool institutions system in collectivized villages of the south of Russia over a period of the 1930's is described. The features of establishing and financing of the given institutions are revealed, the extent and character of their effect on the increased collective farm women employment in Don, Kuban and Stavropol regions are established.

По мере развертывания коллективизации в советской прессе все чаще стали зву-

чать призывы о максимально полном вовлечении сельских женщин в колхозное про-

изводство. Так, в одной из статей в «массовом колхозном журнале» «Коллективист» за февраль 1931 г. указывалось, что в предстоящем весеннем севе колхозы просто обязаны «использовать полностью женскую рабочую силу»¹. От решения этой задачи, подчеркивалось в статье, зависит развитие не только аграрного, но также индустриального производства: «Проводя активное вовлечение свободной женской рабочей силы в колхозное производство, мы тем самым увеличиваем возможность расширения и полного выполнения производственного плана колхоза, а также освобождаем часть мужских и женских рабочих рук для отхода в промышленность, совхозы, лесничество, строительства и т. д.»².

Вышеприведенное высказывание свидетельствует, что задача вовлечения женщин в колхозное производство была актуальна не только для аграрной отрасли экономики, но и для всего народного хозяйства СССР. Рост занятости женщин в сельском хозяйстве должен был не только способствовать развитию последнего, но и высвобождению значительной части мужчин для осуществления индустриализации. Тем самым осуществлялось перераспределение трудовых ресурсов, что было крайне важно в процессе модернизации экономики Советского Союза (хотя и не совсем честно по отношению к самим женщинам, так как трудовые нагрузки, приходившиеся на их долю в условиях «колхозного строительства», только возрастали).

Однако в противовес призывам прессы и партийно-советского руководства задача вовлечения женщин в колхозное производство выполнялась далеко не столь быстрыми темпами, как того хотелось властям. В том же 1931 г. в советской прессе признавалось, что «в колхозах запас женской рабочей силы используется меньше, чем мужской»³.

Можно указать несколько весомых причин, под влиянием которых на протяжении 1930-х гг. в коллективных хозяйствах Советского Союза (в том числе и в колхозах Дона, Кубани и Ставрополья) женский труд

использовался недостаточно полно. В их числе: критичное отношение местного руководства к вовлечению женщин в ряд отраслей аграрного производства (например, в коневодство или сферу механизации), обусловленное сельскими (или, если говорить о Северном Кавказе, национальными) гендерно-производственными традициями; низкий уровень материального вознаграждения за труд в колхозах; высокая степень вовлеченности женщин-колхозниц в домашнее хозяйство и т. д.

Среди перечисленных причин далеко не последнее место занимала и такая, как наличие и степень развития в колхозной деревне (в том числе в селах и станицах Дона, Кубани и Ставрополья) культурно-бытовых заведений: столовых, прачечных, различных детских дошкольных учреждений – детских садов, яслей, площадок. Исследование процессов создания и функционирования данных заведений, которые были призваны временно освободить женщину от домашних забот и ухода за детьми для участия в общественном производстве, представляется весьма актуальным, причем даже не столько в рамках изучения колхозного производства, сколько с точки зрения социальной истории советской деревни (в частности, анализ отмеченных процессов позволяет выявить степень трансформации повседневной жизни сельских женщин в период коллективизации). Между тем затронутый нами вопрос, непосредственно связанный с проблемой «колхозного строительства», не получил специального (и сколь-нибудь полного) освещения в южнороссийской региональной историографии. В этой связи мы намерены осуществить анализ процессов развития культурно-бытовых заведений в колхозной деревне Юга России в 1930-х гг., акцентировав внимание на детских дошкольных учреждениях, наиболее важных для женщин-колхозниц.

Как мы уже отмечали, существовали три основных типа детских дошкольных учреждений: детские сады, ясли и площадки. Детские сады, как правило, представляли со-

бой постоянные учреждения, действовавшие весь год. Детские ясли могли быть как постоянными, так и сезонными; в последнем случае они организовывались только на период напряженных сельскохозяйственных работ, с апреля по сентябрь-октябрь включительно (хотя в начале 1930-х гг. ясли нередко создавались в колхозах только перед уборкой, т. е. в конце лета⁴). В ряде случаев практиковалось создание так называемых походных детяслей, которые устраивались непосредственно в поле, неподалеку от матерей⁵. Детские же площадки действовали только на протяжении определенного сезона, чаще всего летне-весеннего.

Кроме того, обычно детские сады создавались для детей разных возрастов. В то же время в яслях, как правило, содержались дети в возрасте до четырех лет, а площадки организовывались для детей в возрасте от четырех до семи лет. Впрочем, если в колхозе насчитывалось не более двадцати детей, достаточно было открыть только одно из подобных заведений⁶.

До развертывания сплошной коллективизации в российской деревне численность детских дошкольных учреждений была мизерна. Как правило, эти учреждения создавались только в коммунах. Так, к 1930 г. в коммуне им. А. П. Смирнова Терского округа Северо-Кавказского края дети находились «на полном иждивении» данного коллективного хозяйства, получали молоко и питание, а одежду им выдавали по мере износа⁷. Однако даже к исходу 1920-х гг. коммун в общей массе коллективных хозяйств было не так уж и много (к 1930 г. в целом по СССР их насчитывалось лишь 7240⁸). В других же типах колхозов (сельхозартелях и ТОЗах) до развертывания сплошной коллективизации культурно-бытовому обслуживанию колхозников не уделялась практически никакого внимания, о чем, например, сообщалось в докладной записке о кооперации сельского хозяйства на Ставрополье в конце 1928 г.⁹

Лишь с началом сплошной форсированной коллективизации положение измени-

лось, так как представители власти активно и настойчиво осуществляли меры по созданию и поддержанию функционирования в колхозах детских дошкольных учреждений, в которых они видели мощное средство повышения трудовой активности женщин-колхозниц. Уже в начале 1930-х гг. и специалисты, и партийно-советские чиновники, курировавшие сельское хозяйство, со знанием дела указывали, что «из-за отсутствия в колхозах общественных столовых, хлебопекарен и, главным образом, детяслей и площадок на весенние полевые работы выходит не более 10 процентов трудоспособных женщин»¹⁰. Не случайно в обращении Северо-Кавказского краевого слета работников райсобесов и касс общественной взаимопомощи колхозников и колхозниц Северо-Кавказского края в июле 1933 г. отмечалось, что «нашей основной задачей является обеспечить выход на работу всего трудоспособного населения сил колхозов[,] создав для того необходимые условия путем внедрения социалистических форм быта в колхозе, организацией детяслей, площадок...»¹¹.

Во время «колхозного строительства» наряду с повсеместным и массовым формированием сельскохозяйственных артелей как основного (а затем и единственного) типа колхозов возникло и множество детских садов, яслей, площадок. Уже в 1931 г. представители власти утверждали, что в деле создания в колхозах детских дошкольных учреждений налицо «гигантские успехи»¹². В июне 1934 г. первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Е. Г. Евдокимов заявлял об «огромном развертывании ясельного дела»: в это время в крае было открыто 273 постоянных ясель на 65 тыс. детей и 1188 сезонных на 40 тыс. детей¹³.

Однако при положительных количественных сдвигах качество функционирования детских дошкольных учреждений в колхозах оставалось крайне низким. В источниках, датируемых первой половиной 1930-х гг., содержится огромное количество свидетельств об антисанитарных условиях

в детских дошкольных учреждениях (зачастую они размещались в совершенно непригодных помещениях), о нехватке продуктов, постельных принадлежностей, игрушек, низкой квалификации персонала. Характерный пример являла собой детская площадка колхоза «Волна хлебороба» Гулькевичской МТС Азово-Черноморского края: «В кроватках развелось много клопов, их никто не выводит. Из-за этого дети не хотят ночевать на детплощадке, а бегут домой. Днем дети бродят по улице и ходят купаться в грязный пруд, никакого наблюдения за ними нет»¹⁴.

В немалой мере причиной неудовлетворительного состояния многих детских дошкольных учреждений в колхозах являлось слабое финансирование подобного рода учреждений. Государство устранилось от решения этой задачи, и финансирование данных учреждений возлагалось исключительно на колхозы или самих колхозников; но ни у коллективных хозяйств, ни у их членов зачастую не хватало (или вовсе не было) необходимых для этого средств. Так, в 1931 г. в Северо-Кавказском крае колхозы отчислили на культурно-бытовые нужды только 0,7% валовой выручки (а, например, средства, пошедшие на административно-хозяйственные расходы, составили 1,8% валовой выручки¹⁵).

В итоге трудовая активность женщин-колхозниц по-прежнему оставалась низкой, а их участие в общественном производстве – далеко не полным. Признавая это, в 1933 г. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) печально констатировал, что в колхозах «низкий выход на работу женщин, уход с работы, низкое качество их [деятельности]... обуславливается еще и тем, что – организации детских ясель не уделено должного внимания, местами [они] совершенно отсутствуют. Питание детских ясель поставлено исключительно плохо, кормят недоброкачественными продуктами, в результате [наблюдаются] случаи массового отравления детей, заболеваний их и т. д.»¹⁶.

Лишь во второй половине 1930-х гг. положение с детскими яслями, площадками и садами в колхозах заметно улучшилось, что являлось следствием общего организационно-хозяйственного укрепления колхозной системы и некоторого (впрочем, не слишком значительного) усиления внимания государства к нуждам деревни. В данное время подавляющее большинство колхозов Дона, Кубани и Ставрополя обзавелись детскими дошкольными учреждениями, так что ими могли быть охвачены десятки тысяч детей колхозников. Так, в 1940 г. в колхозах Ростовской области имелось 229 постоянных и 2 212 сезонных детских яслей, рассчитанных в общей сложности на 85,8 тыс. мест, а также 49 постоянных и 476 сезонных детских садов и площадок, которые могли принять около 17 тыс. детей¹⁷. Ряд колхозов мог позволить себе даже несколько детских дошкольных учреждений, как, например, сельхозартель им. Военсовета СКВО Ростовской области, в которой к исходу 1930-х гг. насчитывалось 5 детских яслей на 500 детей¹⁸.

Во второй половине 1930-х гг. возросло финансирование детских дошкольных учреждений в колхозах. В целом по стране совокупные расходы государства, коллективных хозяйств и общественных организаций на социально-культурные мероприятия в расчете на душу населения увеличились с 61,73 руб. в 1932 г. до 234,74 руб. в 1937 г.¹⁹ Многие колхозы Юга России стали содержать детские дошкольные заведения за свой счет, выделяя помещения, продукты, инвентарь, оплачивая работу служащих. Взамен от колхозников требовалось полностью посвятить себя труду. В противном случае в качестве штрафных санкций, применяемых к провинившимся, выступала и такая мера, как оплата самими крестьянами расходов на содержание и уход за их детьми²⁰.

Нельзя утверждать, что к исходу 1930-х гг. все проблемы в сфере детского дошкольного воспитания в колхозах были решены: содержание детей во многих колхозных дет-

яслях или площадках не соответствовало принятым санитарно-гигиеническим нормам²¹. Однако же, невзирая на негативные примеры, в целом развитие в колхозах сети детских дошкольных учреждений и повышение эффективности их функционирования к исходу рассматриваемого нами десятилетия можно считать одним из весомых факторов роста трудовой активности женщин-колхозниц, выразившейся в увеличении количества выработанных ими трудовых дней. К исходу 1930-х гг. женщины составляли 59,5% сельских трудовых ресурсов²², выработав по стране только в 1936 г. 35,8% трудовых дней от их общего количества²³. На Юге России в отмеченный период времени заметно сократилось количество колхозниц, уклонявшихся от участия в общественном производстве. Так, в 1940 г. на Кубани лишь 11,9% колхозниц не выработали менее установленного минимума трудовых дней или ни одного трудового дня, на Ставрополье – 15,5% колхозниц²⁴. Советские авторы справедливо отмечали, что «активное вовлечение женщин в производственную работу сопровождается широким развертыванием в колхозах строительства детских учрежде-

ний, детских садов, яслей, площадок, организацией общественного питания, прачечных и пр.»²⁵.

Итак, в 1930-х гг. детские сады, ясли и площадки представляли собой существенный фактор трудовой активности женщин-колхозниц, в том числе на Дону, Кубани и Ставрополье. В первой половине 1930-х гг. в силу организационно-хозяйственной слабости коллективных хозяйств, созданных поспешно, зачастую насильственными методами и без учета желания самих крестьян, численность колхозных детских дошкольных учреждений была не столь велика, как хотелось представителям власти, а их состояние оставляло желать много лучшего. Соответственно, невысокой оставалась и трудовая активность женщин-колхозниц. Лишь по мере оптимизации функционирования колхозной системы, что особенно зримо проявилось к исходу 1930-х гг., положение в сфере детского дошкольного воспитания в коллективных хозяйствах заметно улучшилось. Это немедленно сказалось и на росте занятости сельских женщин в колхозах, в том числе и на Юге России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Малевич Ф. Е. Организация женского труда // Коллективист. 1931. № 4. С. 4.

² Там же. С. 4.

³ Коллективист. 1931. № 4. С. 5.

⁴ Павлова. Организуйте детучреждения к весеннему севу // Коллективист. 1931. № 4. С. 56.

⁵ Ставропольский М. Достойные премирования // Коллективист. 1932. № 16. С. 10.

⁶ Шустова М. Детские ясли и площадки в колхозе // Колхозное производство. 1944. № 2–3. С. 25.

⁷ Тодрес В. Колхозная стройка на Тереке. Пятигорск, 1930. С. 93–94.

⁸ Уральский А. Формы колхозов на различных этапах движения к бесклассовому обществу // На аграрном фронте. 1934. № 9. С. 12.

⁹ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. р-1390. Оп. 6. Д. 439. Л. 261об.

¹⁰ Павлова. Указ. соч. С. 56.

¹¹ ГАРО. Ф. р-1390. Оп.7. Д. 442. Л. 82.

¹² Тамаев Н. А. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 2. С. 105.

¹³ Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИ СК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.

¹⁴ Селькор. Короткие сигналы // Колхозный путь. Газета политотдела Гулькевичской МТС Азово-Черноморского края. 1934. 12 сентября.

¹⁵ Володкович М. О распределении доходов колхозах // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 8. С. 42.

¹⁶ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 166. Оп. 1. Д. 21. Л. 244.

¹⁷ ГАРО. Ф. р-4034. Оп. 8. Д. 1. Л. 98.

¹⁸ *Куприянов П. В.* Платежи колхоза им. Военсовета СКВО // День нашей жизни: Очерки. Статьи Заметки. Письма. Документы (15 мая 1940 г.). Ростов н/Д., 1940. С. 201.

¹⁹ *Вылцан М. А.* Материальное положение колхозного крестьянства в довоенные годы // Вопросы истории. 1963. № 9. С. 21.

²⁰ ГАРО. Ф. р-4340. Оп. 1. Д. 32. Л. 2.

²¹ *Юрасова П., Зинчук А. И., Васильцова У., Смирнова.* Позорное топтание на месте // Колхозница. 1937. № 4. С. 19–21.

²² *Маннинг Р. Т.* Женщины советской деревни накануне Второй мировой войны. 1935–1940 годы // Отечественная история. 2001. № 5. С. 91.

²³ *Котов Г., Струков М., Горбатенко Г.* Советская деревня в третьей пятилетке // Социалистическое сельское хозяйство. 1939. № 4. С. 150.

²⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 323. Д. 405. Л. 146.

²⁵ *Котов Г., Струков М., Горбатенко Г.* Указ. соч. С. 150.